

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 69–74. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 69–74. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 82(091):82-32

EDN GVZGTV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-69-74>

МОДУСЫ «РАССКАЗОВЕДЕНИЯ»: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО НАРРАТИВА Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО И В.В. НАБОКОВА

Рягузова Людмила Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, lnryaguzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0223-8672>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые эстетические принципы и приемы историко-литературных обобщений в творческой интерпретации Д.П. Мирского и В. Набокова. Тема исследуется в контексте методологических исканий критики русского зарубежья, в аспекте их традиций и новаций. С целью прояснения максимально достоверных и текстуально подтвержденных аргументов используются следующие *методы исследования*: *сравнительно-исторический, концептуальный, структурно-семиотический и стилистический*. Научная новизна наблюдений обусловлена сопоставлением научной мифологии Д.П. Мирского и В. Набокова (как литературных личностей) и их категориального аппарата, в частности проводимыми параллелями в аспекте принципов критического анализа, проблем речевого мировоззрения и метафоричности стиля их научного мышления, – актуальных и недостаточно изученных аспектов творческого наследия. Читательское восприятие и личная оценка лежат в основе их эстетических вердиктов, этот методологический принцип сближает позиции Д. Мирского и В. Набокова, анализирующих эволюцию эстетического видения как способ изображения форм жизни и отражения в них наших представлений о ней. Мирский, как впоследствии Набоков, утверждает эстетический подход, отказываясь воспринимать литературу как проповедь или «фотографию современности», оба ценят в литературе онтологический смысл и «индивидуальный гений». В итоге делается *вывод* об уникальном индивидуально-авторском видении ими исторической топологии и концептологии русской литературы как семиотической категории, выявлении ее культурных кодов, «вех», «штрихов», «шедевров», формирующих в читательском восприятии «культурный синтез» этого уникального явления, выраженно-го уникальным образом, другими словами, о создании *vice versa* истории русской литературы (ее *modus vivendi*).

Ключевые слова: историко-литературный дискурс, нарратив, металитературная топика, Д.П. Святополк-Мирский, В. Набоков, литературный процесс, речевое мировоззрение.

Для цитирования: Рягузова Л.Н. Модусы «рассказоведения»: индивидуальная общность историко-литературного нарратива Д.П. Святополк-Мирского и В.В. Набокова // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 69–74. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-69-74>

Research Article

MODES OF «RASSKAZOVEDENIYA»: THE INDIVIDUAL COMMUNITY OF THE HISTORICAL AND LITERARY NARRATIVE OF D.P. SVYATOPOLK-MIRSKY AND V.V. NABOKOV

Lyudmila N. Ryaguzova, Doctor of Philology, Professor, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, lnryaguzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0223-8672>

Abstract. The article discusses some aesthetic conclusions and methods of historical and literary generalisations in combination with Dmitry Svyatopolk-Mirsky (hereinafter Prince Mirsky) and Vladimir Nabokov. The topic is contained in a professional methodological study of criticism of the Russian diaspora, in the aspect of their traditions and innovations. In order to clarify the most reliable and textually confirmed arguments, the following research methods are used: comparative-historical, conceptual, structural-semiotic and stylistic. The scientific novelty of the observations is due to the comparison of the scientific mythology of Prince Mirsky and Vladimir Nabokov (as literary personalities) and their categorical apparatus, in particular the parallels drawn in terms of the principles of critical analysis, the problems of speech worldview and the metaphorical style of their scientific thinking, both topical and insufficiently studied aspects of the creative heritage.

The reader's perception and personal assessment underlie their aesthetic verdicts, with methodological principle bringing together the positions of Prince Mirsky and Vladimir Nabokov, who analyse the evolution of aesthetic vision as a way of depicting life forms and reflecting our ideas about it in them. Prince Mirsky, just as well as later Vladimir Nabokov, assert an aesthetic approach, refusing to perceive literature as a sermon or a "photograph of contemporaneity, both appreciate the ontological meaning and "individual genius" in literature. As a result, a conclusion is made about the unique individual authors' vision of the historical topology and conceptology of Russian literature as a semiotic category, the identification of its cultural codes, "landmarks", "strokes", "masterpieces", which form the "cultural synthesis" of this unique phenomenon in the reader's perception, expressed in a unique way, in other words, about the creation of the vice versa history of Russian literature (its *modus vivendi*).

Keywords: historico-literary discourse, narrative, meta-literary topic, Prince Mirsky, Vladimir Nabokov, literary process, speech worldview.

For citation: Ryaguzova L.N. Modes of «rasskazovedeniya»: the individual community of the historical and literary narrative of D.P. Svyatopolk-Mirsky and V.V. Nabokov. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 2, pp. 69–74 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-69-74>

«В моем представлении о литературоведении вообще нет места духовному родству» [Набоков 1997: 47]. Это высказывание Набокова ставит под сомнение любую тему сопоставительного характера, тем более что личные отношения Д.П. Святополк-Мирского и В. Набокова изучены больше в историко-биографическом контексте (труды Дж. Смита, М.В. Ефимова, Н.Ю. Прайс, О.А. Казниной и др.). А общность их методологических установок и эстетических оценок можно выявить главным образом через текстуальные и ассоциативно-семантические соответствия, отдельные связи и литературные параллели в этом направлении, безусловно, были установлены, в частности, в статье М.В. Ефимова «“Mirsky and I”: К вопросу о творческих связях В.В. Набокова и Д.П. Святополк-Мирского» отмечены примеры имплицитного цитирования Набоковым Мирского [Ефимов 2015].

Набоков ценил исторический труд Мирского, в который имя его еще не включено, называя лучшей историей русской литературы на любом языке, однако, как известно, в комментариях к роману Пушкина нет к ней отсылок и не так много упоминаний и опознавательных знаков в письмах и критике. У Мирского и Набокова нет обобщающего труда по теории литературы, между тем разрозненные высказывания по проблемам стиля, литературного процесса и жанров позволяют реконструировать и сопоставить их теоретико-литературные воззрения. И, возможно, моделировать в их изложении теорию романа (в привычном и «непривычном» смысле) европейского и русского.

«История русской литературы от древнейших времен до 1925 года» (1926) Д.П. Святополк-Мирского носит личностный характер, воплощает черты его научной мифологии, отражает индивидуально-авторские читательские предпочтения. Литературные параллели с лекциями по мировой литературе В. Набокова и его комментариями к роману Пушкина очевидны. По судьбе и роли в истории русского зарубежья их можно отнести к «аристократии пишущих

талантов» (А. Солженицын). И не только в переносном смысле оценки дарования, но и в формальном понимании «литературного быта»: происхождения, родовитости, англофильского воспитания, билингвизма, пушкинского письма «по канонам». Каждый из них по-своему стал «оправданием» миссии эмиграции, интегрируя русскую культуру и русский мир на запад.

«История» Мирского содержит хронологически последовательный историко-литературный экскурс «с релевантными аналогиями из английского историко-культурного материала» [Ефимов 2019: 182, 269]. Обращает на себя внимание концептуальность труда, в одном томе которого объединены подходы «творческий» и «рецептивный», общее и отдельное. Вместо подробной биографии и библиографии писателей в книге дана квинтэссенция их творчества, сжатый очерк, включающий ссылку на семейное предание, сословие, образование, профессию. Историко-литературная оценка и анализ творчества и отдельных произведений редуцированы, сведены, как правило, к «общим замечаниям». В письмах к М. Карповичу В. Набоков, задумывая систематический курс по русской литературе для англоязычного читателя, в качестве основного «справочника» указывал на Мирского, схему его книги, манеру повествования и принцип стилевой «переводимости / непереводаемости» в отборе материала. Он собирался «коснуться между прочим» Островского, Салтыкова, Лескова, дать обзор других имен с предваряющими лекциями, подробно рассмотреть таких сочинителей, как Толстой, Чехов, Достоевский. Главное – перенять сам принцип: «чередовать» лекции с биографическими данными и дискуссиями общего характера, использованием собственных мемуаризированных переводов и т. п. [Набоков 2018]. К тому же «общий взгляд» Мирского не исключал мелкую оптику: выделение деталей, «штрихов», анализ «узоров» судьбы и стиля. Читательское восприятие и личная оценка лежат в основе эстетических вердиктов авторов, этот ме-

тодологический принцип также сближает позиции обоих исследователей. Мирский, как позже Набоков, утверждает здесь еще эстетический подход, отказываясь рассматривать литературу как проповедь или «карту современной жизни», «фотографию современности», ценит непреднамеренность истинного искусства [Мирский 2014: 343, 34]. Трактую эстетический факт как необходимый, Мирский не исключает элемент случайности, «необъяснимого» в творческом акте, иллюстрируя это положение примерами из творческого опыта Л. Толстого.

Мирский в «Истории» формулирует представление о русской литературе как едином историко-культурном феномене (некоем «культурном синтезе», используя выражение П.М. Бицилли в отношении средневековой культуры), целостном ментальном явлении в ее субстанциально-мифологических представлениях, выявляет в ее художественной онтологии «русский элемент», или «простую, скромную реалистическую грацию» [Мирский 2014: 353]. Он рассматривает, например, «почтовую» (эпистолярную) прозу как комментарий к русской литературе и жизни, квинтэссенцию того, чем стал русский реализм, «самая его субстанция» [Мирский 2014: 273]. Русский реалистический роман, по Мирскому, должен рассматриваться как «единая литературная культура» [Мирский 2014: 271], иными словами, некий «культурный комплекс». В его труде концептуализируются понятия: «великорусская литература», «русская цивилизация», «древнерусская цивилизация». То, что Набоков определил как «привычку» русского сознания в отношении Пушкина, Мирский соотнес со всей русской литературой, полемически начиная ее описание с древнейших времен и, перефразируя Набокова, тем самым стараясь «проследить пращура до самого логова». Его опыт мифологизации и семиотизации русской литературы распространится впоследствии на саму культуру «в изгнании» (Г. Струве).

Открытие для читателя уже известных литературных фактов в концепции Мирского происходит благодаря приему остранения. Ученый смотрит на русскую литературу как бы со стороны, составляя путеводитель для иноязычного читателя с выделением ориентиров («вех» – исторических, биографических, теоретико-литературных), с акцентированием маргинальных сведений. Занимательность изложения историко-литературного материала объясняется отчасти сохранением более тесной, образной стилиевой связи с предметом изучения и «личным участием» в его эстетической оценке. В то же время у Мирского, создавшего жанр авторской истории литературы, преобладает историко-типологический аспект изложения закономерных, повторяющихся явлений (например, им типологизируются разновидности «орнаментального стиля» рубежа веков, черты русского

реалистического романа XIX века и др.). По его собственному выражению, он прежде всего выявляет типическое для «русского литературного ума». Мирский, в частности, выделяет «вехи истории» – это, по сути, метафорические единицы измерения художественной топографии, эстетической значимости литературных явлений. Он пишет: «Наша *основная веха* в ранней истории русской – группа... произведений, переведенных в Москве около 1677 года. Они не русифицированы до неузнаваемости, как это было с *Бовой*... они сохраняют следы языков, с которых были переведены» (в их числе польские рыцарские романы) [Мирский 2014: 82]. Единицами отсчета, изменения эстетических величин становятся у Мирского стилиевые общности разных уровней: «школа», «течение», «движение». Например, «партия поэтов», «поэты-метафизики», «любомудры» [Мирский 2014: 180]; «арзамасская поэтическая школа» [Мирский 2014: 174]. «Поэты 1820-х годов образовывали реальное и при всем разнообразии *единое движение*, которое можно назвать *школой*. Обычно их называют *пушкинской плеядой*» [Мирский 2014: 180].

Набоков, напротив, категории «тип», «типическое» относит к издержкам старой критики (ее «любимым словечкам»). Он иронически комментирует литературную родословную пушкинских образов Татьяны и Ольги в духе вульгарного социологизирования [Набоков 1999]. Впрочем, Набоков расставляет свои историко-литературные акценты: «Душенька» Богдановича, на его взгляд, – важный «этап» в русской поэзии по технике письма [Набоков 1999: 167].

Теоретико-литературные категории научной мифологии Д.П. Мирского могут быть реставрированы с учетом их целостного прочтения и системного функционирования в англоязычных и русскоязычных критических дискурсах. Этим, безусловно, осложняется задача изучения единства речевого мировоззрения ученого, русиста-англофона [Ефимов 2018: 249], симметрическая соотнесенность его понятий и терминов, их *modus vivendi* («условия существования»). Мирский дублирует или акцентирует латынью или иноязычными терминами универсализм вводимого понятия, создавая тем самым видимость перевода его смысла, этимологической рефлексии. У Набокова экспериментальные приемы наблюдения получили название *in vitro* («в пробирке»), в лекциях о «Дон Кихоте» он пристально разглядывает хитроумные уловки и стилиевые узоры Сервантеса, изучая его «опыты». Исторический русский роман Мирский называет «лабораторией великого художественного мышления» [Мирский 2014: 191]. Понятия о лаборатории, экспериментах подчеркивают искусный и искусственный характер литературной («эстетической») реальности – категории, которая формулируется в этот период в трудах А. Бема, В. Вейдле, П.М. Бицилли.

Комментируя название темы, нужно сказать, что «модус рассказоведения» – этот метафорический термин из «Истории» – вполне, на наш взгляд, характеризует экспрессивную и занимательную манеру изложения Мирского, уникальную, «индивидуальную общность» его историко-литературного нарратива. Анализируя стиль Пушкина, критик выделяет манеру повествования о самом главном (*in medias res*), а также резкие переходы и лирические эпилоги в его текстах: следы байроновского «рассказоведения» [Мирский 2014: 153]. Выбор им главных произведений (*opus magnum*), «достойных упоминания», расставляет «особые вехи» в историческом пространстве русской литературы [Мирский 2014: 364]. Метафорические определения оживляют, «беллетризуют» нестрогую терминологию «Истории»: «живой цинический реализм древнерусской повести», «романтический пантеизм (анемизм, фантастика)»; «литературная атмосфера», «литературный темперамент», «романописание». Набоков, как известно, в целом иронично относился к языку понятий, к этим «гибким словесным штампам». Однако он дорожил собственным «набором художественных ценностей» и «номенклатурных элементов», его окказиональные понятия включают термины из иноязычных сфер (*узор, мимикрия, рекапитулярный смысл, онтогенез, филогенез*).

Масштабы эстетических измерений у Мирского подвижны и обратимы. Достойными упоминания в многовековой истории литературы оказываются жанровые открытия и забытые имена авторов, отдельные произведения и памятные имена героев. Например, он вписывает в нее «что-то вроде образца локальной приволжской поэзии» – балладу о Стеньке Разине и персидской княжне Д.Н. Садовникова, которая обрела со временем самостоятельное существование [Мирский 2014: 373]. Этот статус получает художник, оставивший один гениальный «штрих» (ср.: «тонкость штриха» у Куцевского – специфика его стиливой манеры) [Мирский 2014: 449], или целое эпическое полотно («героическую идиллию» «Война и мир»). В мозаичную картину национального художественного сознания вписаны гении, шедевры, маргинальные литературные или идейные течения и их источники, типология героев, когда-то значимых, их персональная иерархия. Заслуживают упоминания, как правило, выдающиеся или исключительные по своему таланту или посредственности вещи или герои, например: фигура отца у Аксакова – один из «замечательных образцов обыкновенного человека» [Мирский 2014: 287]; Гурмыжская и Буланов у Островского – самые неприглядные типы в русской литературе по «цинической и самодовольной эгоистической подлости» [Мирский 2014: 383]. Писемский в описаниях «низости, мелочности и подлости»

не имеет себе равных [Мирский 2014: 318]. Мирский последовательно проводит принцип жанровой и стиливой типологии (выявляя общие черты провинциального романа, «романа несовершенного вида») и характеризует этапы литературного процесса.

Набоков строит свои лекции по истории мировой литературы исключительно на шедеврах, заслуживающих изучения и анализа с точки зрения словесного искусства (романы «Анна Каренина» Толстого, «Улисс» Джойса, «Мадам Бовари» Флобера). В литературе писателя привлекает онтологический смысл и «индивидуальный гений»: «Литература состоит не из великих идей, а каждый раз из откровений, не философские школы образуют ее, а талантливые личности. Литература не бывает о чем-то, в ней самой ее суть. Вне шедевра литературы не существует» [Набоков 1998: 169]. Набоков, противник общих идей, «демона обобщений», ценит уникальные художественные открытия, высказанные уникальным образом, что не всегда характеризует все творчество автора или определяет его место в истории литературы. Субъективизм исторической концепции Мирского также очевиден. «Свое видение мира – основа гениальности», по Мирскому, а также «новый взгляд» на поэзию [Мирский 2014: 373]. Остается в литературе только художественно значимое, эстетический критерий оценки произведения преобладает. По его мнению, творения Тургенева превратились в «чистое искусство», общественная проблематика со временем без остатка растворилась в них, и они только выиграли от этого [Мирский 2014: 309]. Вот почему «Отцы и дети» – один из величайших романов, «Обломов» – великая книга, символ, часть русской души. В них есть «привкус вечности», как бы сказал Набоков, или привкус истинного искусства.

Мирский и Набоков трактуют эволюцию эстетического видения как способ изображения форм жизни и отражения в них наших представлений о ней. Вся история литературы в ее развитии, по Набокову, есть исследование «все более глубоких пластов жизни», есть эволюция художественного видения [Набоков 1996: 246]. Метаязык, язык описания, считал он, будет лишь более или менее удачным приближением к самому эстетическому объекту. «Реализм», «натурализм» для него – понятия относительные: «Что данному поколению представляется в произведениях писателя натурализмом, то предыдущему кажется избытком серых подробностей, а следующему – их нехваткой. Измы проходят, исты умирают, искусство остается» [Набоков 1998: 203]. «Дерзости одной эпохи становятся банальностями эпохи следующей» [Набоков 1999: 115]. Набоков полагал, что в исторической перспективе взаимоотношение культур диалогично и обратимо, поэтому он говорит о модернизме как форме консерватизма. Мирский

термин «модернизм» использует также не только как единицу классификации, не в узко хронологическом, а в широком семантическом значении «новизны, новаторства». Жуковский и Батюшков у него – «модернисты в стихе и в языке» [Мирский 2014: 140].

Поскольку литература, по характеристике Набокова, «особая призма» («мерцающий посредник между вымыслом и реальностью»), литературные направления обладают разными углами отражения художественной реальности. Выделение направлений внутри литературного процесса Набоков относил к условным явлениям, которые определял как «литературные сквозняки». В. Набоков, с иронией говоривший о влияниях, периодах, течениях, направлениях, эпохах, а также о терминах, их обозначающих, писал о том, что дух обобщения «окрестил длинный ряд ничем не повинных лет названьем Средневековье», а XX век – второе Средневековье [On Generalities]. С одной стороны, он негативно отзывался о темной средневековой подоплке фрейдовщины и ее символов, шарлатанстве, магии и мистике, гротескно изображал прорицателей и провидцев. С другой стороны, отлично знал этот культурный период (достаточно сослаться на его лекции и переводы), использовал жанровые формы волшебной сказки, *chansons de geste*, *exempla*, куртуазно-рыцарского романа, эпоса, более того, сравнивал искусство литературы с магией и волшебством. Он отрицал или критически воспринимал не культурные явления как идейно-эстетические общности и этапы их развития, а условность их понятийных обозначений и методологию исследования.

В отличие от Мирского, он не причислял себя к любителям слов «идея», «тип», «эпоха». В комментариях к роману «Евгений Онегин» Набоков пишет о том, что расплывчатые термины *классицизм*, *сентиментализм*, *романтизм*, *реализм* и т. п. зависят от многочисленных интерпретаций, что становится бессмысленным само по себе в своей сфере классификации знания. В комментариях, например, он приводит одиннадцать возможных определений понятия «романтизм», бытовавших в пушкинское время. «Я не могу себе представить ни одного шедевра, – пишет он, – оценка которого в той или иной степени повышалась бы в зависимости от его принадлежности к определенной школе; и, напротив, готов назвать сколько угодно третьесортных произведений, жизнь которых искусственно поддерживается на протяжении веков только потому, что ученые приписали их к какому-нибудь течению прошлого. Вредность этих терминов в том состоит, что они отвлекают исследователя от индивидуальных художественных открытий (а только они в конечном счете значимы и непреходящи)» [Набоков 1999: 454]. Набоков, по собственному признанию, сделал много таких «открытий», отмечая «тонкие моменты» в коммен-

тариях. Он дает свои «ключи» к образам и реконструирует, в частности, биографии литературных героев (например, Прасковьи Лариной), тем самым утверждая реальность их литературного существования. Еще одна особенность: подробный стиховедческий паспорт сопровождает поэтические тексты в «Комментариях» (время создания, архитектоника, строфика, размер). Например, следующие замечания: «“Бал” Баратынского (начат 1825, окончен 28, опубликован 28) – повесть в стихах, в авторской белой рукописи состоящая из 658 стихов, написанных 4-стопным ямбом, 47 строф по 14 стихов с рифмовкой *abbaceddjij*)» и т. д. [Набоков 1999: 150].

«Неуместные подробности» в труде для нерусского читателя Мирский опускает, Набоков увеличивает, акцентирует. Кропотливо сопоставляются им переводы (французские, англоязычные) европейских романов, в них разграничивается первобытный (родной) язык / европейское жеманство. *Переводимость/непереводимость* – важный критерий историко-литературной оценки писателей для англоязычного читателя. «Закрытость» Пушкина, распятого на языковом барьере, трудность перевода поэта отчасти объясняется Мирским «исчерпанностью» его поэтического слова [Мирский 2014: 167]. Поэзия «мысли» Баратынского легче поддается переводу, равно как поэтов-метафизиков или других поэтов, отражающих стилевые тенденции школ, объединений. «До предела локальная, русская» «Гроза» Островского – шедевр на чисто национальном материале (национальный компонент парадоксальным образом составляет неотделимое достоинство пьесы, хотя обычно он вредит читательскому восприятию) [Мирский 2014: 382]. Набоков высоко ценит литературную совесть переводчика, дорожит ею. Принципы и приемы перевода – еще одна важная сторона литературных параллелей двух авторов. Набоков, как и Мирский, писал для западного читателя, его анализы пушкинских строк также обращены к образцам западноевропейской литературы.

Любопытно отметить, что и Набоков, и Мирский в духе нормативной поэтики ставят писателям «оценки» за произведения: «шедевр» или «посредственная» вещь. «А вот Случевский в поэзии остался заикой», – пишет Мирский [Мирский 2014: 373]. Это еще одна общая характерная черта их критических отзывов.

Обращают на себя внимание отмеченные Мирским «курьезы» в истории литературы, парадоксы. Их прочтение заставляет по-новому сопоставить известные факты: первый русский поэт Жуковский был переводчиком, но его переводы часто значительнее оригинала, Пушкин технического совершенства достиг раньше, чем стал поэтом [Мирский 2014: 150]. Курьезы и парадоксы заостряет в своих оценках Набоков, достаточно вспомнить его «Лекции

о «Дон Кихоте»». По его собственному выражению, он не отстраняет также героев Пушкина от «гениальных дурачеств, лирических перевоплощений, литературных пародий» [Набоков 1999: 177]. Приемы эпатажа, литературные мистификации, любовь к каламбурам сближают критическую манеру Мирского и Набокова.

Специфика и привлекательность для современного прочтения исторической концепции Мирского обусловлена двумя, казалось бы, взаимоисключающими факторами. Во-первых, взглядом со стороны, отстраненно и тем самым остраненно на русскую литературу как целостный, сложившийся феномен, с другой стороны, рассказ о ней «домашним образом», с семейными тайнами, преданиями, мифами, доверительно, как передается информация из первых рук, лицом, причастным к этой культуре, а потому отчасти и ее создателем. По той же причине интересен лекторский курс и комментарии Набокова. Во многом труды обоих авторов воспринимаются как собственные произведения и размышления на историко-литературные темы, сохраняющие статус «подвижных памятников», возникших, по словам М. Мамардашвили, в определенной ситуации, но не утративших своей «действенной силы», не ставших «реликтом прошлого».

Список литературы

Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский: Годы эмиграции, 1920–1932. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского Дома, Нестор-История, 2019. 456 с.

Ефимов М.В. «Mirsky and I»: К вопросу о творческих связях В.В. Набокова и Д.П. Святополк-Мирского // Русская литература. 2015. № 2. С. 241–251.

Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Москва: НПК «Интервал», 1999. 851 с.

Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. Москва: Независимая газета, 1998. 512 с.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Москва: Независимая газета, 1996. 440 с.

Набоков В. Переписка с Михаилом Карповичем 1933–1959 / пред., сост., примеч., пер. А.А. Бабилова. Москва: Литфак, 2018. 160 с.

В.В. Набоков: *pro et contra*: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей: Антология: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1997. 974 с. (Русский путь).

Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р.А. Зерновой. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2014. 876 с.

References

Efimov M.V. D.P. *Svyatopolk-Mirskij: Gody jemi-gracii, 1920–1932*. [Svyatopolk-Mirsky: The Years of Emigration, 1920–1932]. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ., Nestor-Istorija Publ., 2019, 456 p. (In Russ.)

Efimov M.V. D.P. *Svyatopolk-Mirskij – istorik russkoj literatury i literaturnyj kritik. Gody jemigracii (1920–1932): dis. ... kand. filol. nauk* [Svyatopolk-Mirsky is a historian of Russian literature and literary critic. The years of emigration (1920–1932): PhD thesis]. St. Petersburg, 2018, 390 p. (In Russ.)

Efimov M.V. “Mirsky and I”: *K voprosu o tvorcheskih svyazjah V.V. Nabokova i D.P. Svyatopolk-Mirskogo* [“Mirsky and I”: On the question of creative connections between V.V. Nabokov and D.P. Svyatopolk-Mirsky]. *Russkaja literatura* [Russian Literature], 2015, № 2, pp. 241–251. (In Russ.)

Nabokov V. *Kommentarii k “Evgeniju Oneginu” Aleksandra Pushkina* [Comments on “Eugene Onegin” by Alexander Pushkin]. Moscow, NPK “Interval” Publ., 1999, 851 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Lekcii po zarubezhnoj literature* [Lectures on foreign literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1998, 512 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Lekcii po russkoj literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1996, 440 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Perepiska s Mihailom Karpovichem 1933–1959* [Correspondence with Mikhail Karpovich 1933–1959], prev., comp., note., trans. by A.A. Babikov. Moscow, Litfak Publ., 2018, 160 s. (In Russ.)

Svyatopolk-Mirsky D.P. *Istorija russkoj literatury s drevnejshih vremen po 1925 god* [History of Russian literature from ancient times to 1925], trans. from English by R.A. Zernova. Novosibirsk, Svin'in i synov'ja Publ., 2014, 876 p. (In Russ.)

V.V. Nabokov: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v ocenke russkih i zarubezhnyh myslitelej. Antologija: v 2 t. T. 1* [The personality and creativity of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign thinkers. Anthology: in 2 vols, vol. 1]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RHGI Publ., 1997, 974 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.